
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Е. С. СМЫШЛЯЕВА

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВОСПРИЯТИЯ Ф. НИЦШЕ В РОССИИ. НИЦШЕ В «ВОПРОСАХ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ»

Статья посвящена первому этапу восприятия Ф. Ницше в России. Рассматриваются первые в нашей стране ницшеведческие работы – очерки В. П. Преображенского, профессоров Н. Я. Грота, П. Е. Астафьева и Л. М. Лопатина, вышедшие в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1892–1893 гг. В этих работах Ницше была дана строгая оценка: профессора философии обнажили наиболее спорные моменты в философском учении мыслителя, подвергли сомнению его основные положения. Современные исследователи российского ницшеведения не склонны считать работы Грота, Астафьева, Лопатина важной вехой в рецепции философии Ницше; эти работы обычно характеризуют как идеологически ангажированные, поверхностные и предвзятые. В настоящей статье предпринимается попытка путем анализа программных документов журнала объяснить причины столь прохладного приема Фридриха Ницше профессорами философии, особенно удивительного на фоне последующей популярности ницшеанских идей, а также обосновать ценность первых отечественных работ по Ницше для современного исследователя.

Ключевые слова: рецепция Ницше, Преображенский, Грот, Астафьев, Лопатин, мораль, сверхчеловек.

The article is devoted to the first stage of the perception of Nietzsche in Russia. The first Russian studies of his teaching, such as the essays by V. P. Preobrazhensky, professors N. Ya. Grot, P. E. Astafiev and L. M. Lopatin, published in the journal “Questions of Philosophy and Psychology” in 1892–1893, are discussed. In these works Nietzsche’s philosophy was placed under strict scrutiny. The professors of philosophy laid bare the most controversial points of Nietzsche’s philosophical doctrine and questioned his basic propositions. Present-day Russian researchers of Nietzschean philosophy are not inclined to consider the works of Groth, Astafiev and Lopatin to be important milestones in the reception of Nietzsche’s philosophy; these works are usually characterized as ideologically biased and superficial. This paper attempts by analyzing the program documents of the journal to explain the reasons for the lukewarm re-

action of the discussed professors of philosophy towards Friedrich Nietzsche, which is particularly surprising in view of the subsequent popularity of Nietzschean ideas. The article also aims to substantiate the value of the first Russian works on Nietzsche for the contemporary researcher.

Keywords: *reception of Nietzsche, Preobrazhensky, Grot, Astafiev, Lopatin, moral, overman.*

В 2022 г. отечественное ницшеведение отмечает свой 130-летний юбилей. В 1892 г. вышел первый в России очерк, посвященный философии Ницше: «Фридрих Ницше: критика морали альтруизма» авторства В. П. Преображенского.

Редакция журнала «Вопросы философии и психологии» поместила очерк Преображенского в 15-м номере, сопроводив его вступительным словом. В последнем цель публикации была обозначена так: «...показать, какие странные и болезненные явления поражают в настоящее время известное направление западноевропейской философии» [Преображенский 1892: 115]. Сам же Фридрих Ницше удостоился характеристики «злополучный безбожник, возмнивший себя Богом» [Там же: 116]. Редакция предостерегала читателей от чересчур серьезного отношения к его произведениям: философ кончил сумасшедшим домом. Но его случай она сочла слишком поучительным, чтобы его можно было обойти молчанием. Профессора Л. М. Лопатин, Н. Я. Грот и П. Е. Астафьев должны были разъяснить позицию журнала по поводу философии Ницше. Их статьи вышли в следующем, 16-м номере.

В научной литературе можно найти утверждение, что волна изучения Ницше в России была запущена людьми без высоких академических званий¹. Поэтому выпуск 16-го номера журнала, в котором были напечатаны статьи Астафьева, Грота и Лопатина, – это своего рода уникальное событие. Ницше «встречали» специалисты высочайшего класса. Между тем событие это чаще всего остается без внимания, а если и освещается в работах по отечественному ницшеведению, то в сугубо негативном ключе². Интерес исследо-

¹ «Общая тенденция состояла в том, что к началу XX в. большую прозорливость в отношении философии Ницше проявили не мыслители, к тому времени уже снискавшие известность в философствующей Европе, а писатели, критики, культурологи со скромными именами» [Мотрошилова 1999: 43].

² «...Важно констатировать, что Астафьев, Лопатин, Грот... продемонстрировали в своих репликах крайне слабое знание философии Ницше, непрозорливое пренебрежение к ее действительно глубоким противоречиям и парадоксам» [Сине-

вателей к первому, «ознакомительному»³ этапу восприятия Ницше в России в основном библиографический. Считается, что работы профессоров философии для истолкователей Ницше сегодня не представляют особой ценности. Прохладное отношение к философии немецкого мыслителя принимается за свидетельство ее непонимания.

Нам кажется, что первые работы по философии Ф. Ницше интересны сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, он получал оценки своих современников. Для нас, сегодняшних исследователей, зачастую первична внутренняя логика его учения. Нам нелегко воссоздать климат эпохи, представить, о чем тогда писали в газетах, что носилось в воздухе. Описывая структуру философии Ницше, мы рискуем ошибиться в определении места отдельных элементов и неверно оценить их значение. Как пишет С. Лем в одной из своих повестей, когда человек попадает на другую планету и встречает ее обитателя, он не может понять, это часть его тела или часть костюма. Так и мы, изучая Ницше, не всегда можем понять: перед нами самобытная часть учения Ницше, или же эту часть случайно прибило волной тогдашней моды? Современники могут указать нам на этот внешний элемент. Во-вторых, первые истолкования Ницше создавались без опоры на работы западных исследователей: монографии А. Рилья, Л. Штейна, Г. Зиммеля и А. Лихтенберге (Lichtenberger), вышедшие в Европе в 1880-х гг., в России стали известны позднее. Немаловажен и тот факт, что первые работы по Ницше, в отличие от многих последующих, дают пример рассмотрения его философии вне тенденциозной связи с политикой.

Современные исследователи отмечают, что в начале века Ф. Ницше в России был популярнее, чем в любой другой европейской стране, за исключением, конечно, Германии [Синеокая 1999: 12]. Широкий круг российских интеллектуалов впитывал идеи Ницше: ему посвящали статьи, монографии, писали вдохновленные ницшеанской философией романы. В литературе часто анализиру-

окая 1999: 42]; «Очевидно, что первоначальное... отношение российских интеллектуалов к творчеству Ницше можно оценить как резкое отрицание позитивной роли его учения, в котором традиционно усматривали симптом и отражение кризисных тенденций, присущих европейской культуре... практически все авторы говорили о негативных аспектах ницшеанства» [Там же: 17].

³ «Первый этап (ознакомительный) относится к девяностым годам XIX в.» [Там же: 14].

ются предпосылки поразительного влияния Ницше на культуру Серебряного века: философия Ницше, с одной стороны, заполнила идеологический пробел, образованный сошедшим с исторической сцены позитивизмом, с другой – удовлетворяла пробудившийся у читательской публики немногим ранее интерес к экзистенциальной философии. В биографии Ницше можно найти точки его соприкосновения с Россией (общение с Лу Саломе, дочерью Герцена, знакомство с произведениями русских писателей – Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина), которые могли бы объяснить его особую близость русской культуре. Нам бы хотелось ответить на другой вопрос: почему на заре отечественного ницшеведения его учение приняли прохладно? Для этого рассмотрим по порядку первые четыре очерка, посвященных Ницше, и попробуем выяснить основания содержащейся в них критики.

Очерк В. П. Преображенского «Фридрих Ницше, критика морали альтруизма» положил начало ницшеведению в России. Задачей автора было познакомить читающую публику с немецким философом.

Преображенский, должно быть, чувствовал лежавшую на нем ответственность – ведь именно от него зависело, как воспримут Ницше в России. К своему труду он подошел с осторожностью. Не желая исказить мысли Ницше, он предоставил ему самому говорить за себя: очерк составили обширные цитаты философа, взятые в основном из произведений среднего периода, и сдержанные комментарии к ним автора очерка.

Содержательной части Преображенский предпослал описание философской личности Ницше. Философом «в обыкновенном *тесном* смысле» [Преображенский 2001: 31] Ницше едва ли можно назвать – скорее моралистом в духе Паскаля или Ларошфуко. Произведения его, за исключением двух, состоят из афоризмов, порой едва уловимо соединенных между собой. Зато каждый отдельный афоризм обладает внутренней целостностью и завершенностью художественного образа, так что книги Ницше, в особенности «Утреннюю зарю», «Веселую науку» и «Человеческое, слишком человеческое», можно без преувеличения назвать лучшими образцами немецкой прозы. Точность психологических наблюдений, «пересыпанных остроумными и милыми поговорками» [Там же: 32], с лихвой искупает тот недостаток, что Ницше «не оставил ни одно-

го законченного исследования ни в одной области философского знания» [Преображенский 2001: 31].

Подробно переданное Ницшево расследование морали Преображенский резюмирует так: «Ницше отрицает существование таких поступков, в которых не было бы примеси эгоизма, так же как он отрицает существование чистого сострадания» [Там же: 44]. Стало быть, прежний критерий нравственного поступка – совершен из эгоистических или альтруистических побуждений – не годится. Так Ницше подходит к вопросу об оценке самих наших нравственных оценок.

Оказавшись «по ту сторону» нравственных оценок – какими суждениями руководствоваться? Современная мораль осуждена Ницше на том основании, что она «клонится к понижению энергии жизни человечества и препятствует возможно богатому и пышному расцвету человеческой природы» [Там же: 62]. Отсюда можно заключить, что Ницше оценивает явления по их красоте и силе, по тому, выражает себя в них расцвет жизни или ее упадок. Его вне-нравственный критерий – критерий эстетический.

Преображенский исчерпывающе изложил взгляды Ф. Ницше на моральную проблематику, привел выдержки как из ранних, так и из поздних работ философа. Кроме того, он не мог не коснуться других, связанных с критикой морали тем (например, темы сверхчеловека). Поэтому его трудно упрекнуть в односторонности. Однако в этом привлечении цитат из совершенно разных работ и в разнообразии тем можно усмотреть недостаток очерка. Читателям, незнакомым с творчеством философа, могло показаться, что мысль Ницше перескакивает с одного на другое, что он на каждом шагу противоречит себе. Само название очерка – «Критика» – оставляло впечатление, что, кроме критики, Ницше нечего предложить своим читателям, что его философия насквозь отрицательна.

Л. М. Лопатин в заметке «Большая искренность» называет изложение Преображенского «талантливым и блестящим» [Лопатин 2001: 65], но отмечает, что даже в таком изложении учение Ницше выглядит внутренне противоречивым. Лопатин выделяет следующие противоречия: Ницше отрицает единую цель человечества, но затем называет такой целью повышение человеческого типа; отстаивает ничем не ограничиваемую свободу личности и вместе с тем считает необходимым беспрекословное подчинение «изящной, но в то же время жестокой и эгоистичной аристократии человечества» [Там же: 66].

Да, философия Ницше противоречива. Но ценность ее, считает Лопатин, не в логической выверенности. И не в том, что она дает ответы на сложные философские вопросы: «...чтобы искать у Ницше положительных идеалов жизни, нужно быть таким же больным человеком, как он сам» [Лопатин 2001: 66]. Ценность ее в искренности, с которой Ницше описывает метания своей несчастной души.

В его моральном учении отразились болезни века. В нем мы можем видеть то, чем сами больны. Сегодня каждое положение науки и философии подвергается сомнению или даже прямому отрицанию. Исключение – мораль: эту сферу мысли доселе предпочитали держать как бы запечатанной. Но почему, на каком основании? Ницше срывает печати, позволяя духу скепсиса проникнуть и в сферу морали.

Разрушительные выводы теоретической философии были сделаны до Ницше, он только продолжил их. Мы признали, что нет ничего безусловного, так разве возможен безусловный долг? Мы не верим в свободу воли, в существование «Я» – так от кого и как требовать нравственного поведения? Мы были слишком неосторожны, подвергая сомнению одну догму за другой, и во всем лишились твердых оснований. Вот что показывает Ницше.

Несмотря на то, что Лопатин дает философии Ницше хлесткие характеристики – «человеконенавистническая до цинизма» [Там же: 65], к самому Ницше он относится сочувственно. Учение последнего – закономерный итог развития философии, которая не беспокоилась о нравственных последствиях теоретических выводов. «...Если бы мы больше чувствовали нравственный смысл наших теоретических взглядов и их глубокую нерасторжимую связь с нашими нравственными воззрениями, – мы относились бы к коренным вопросам теоретического знания живее и серьезнее» [Там же: 69].

В конечном счете учение Ницше может даже способствовать оздоровлению философии, ибо заставляет более твердо и четко ставить основные вопросы и отвечать на них.

Н. Я. Грот в статье «Нравственные идеалы нашего времени. Толстой и Ницше» вышел за рамки задачи, сформулированной редакцией. Свое рассмотрение Ницше он предварил описанием культурной истории человечества. Согласно Гроту, развитие культуры обусловлено борьбой двух нравственных идеалов – языческого и христианского. В разные эпохи соотношение сил менялось: преобладал то языческий, то христианский идеал. Языческий обеспе-

чивал расцвет науки и техники, под его влиянием человек развивал материальную сторону жизни, под влиянием христианского сосредоточивался на жизни души. В конце XIX в. человечество оказывается в разломе эпох, и неизвестно, каким будет новое соотношение идеалов.

Ницше и Толстого Грот называет наиболее яркими образчиками языческого и христианского идеалов соответственно. Сравнение двух учений должно высветить преимущества и недостатки каждого из них и, быть может, приоткрыть завесу будущего.

Мыслители обрушиваются на современность с непримиримой критикой, рассчитывая переустроить жизнь на других началах. Предметы критики совпадают – государство, церковь, мораль, – но основания в корне различны. Толстой обнажает лицемерие, внутреннюю ложь современного человека и его общественных учреждений; Ницше – мертвенность культурных форм, сдерживающих творческие силы личности.

Будучи представителем языческого идеала, Ницше все свое внимание устремляет на животную составляющую человека. Он как бы помещает человека обратно в природу и вменяет ему в обязанность в жестокой борьбе за существование явить миру «новую породу усовершенствованного животного» [Грот 2001: 81]. Именно так понимает Грот ницшеанского сверхчеловека: это дерзкое, самолюбивое животное, уничтожающее себе подобных «в своей ничем не сдерживаемой роскошной упитанности» [Там же: 80].

Жестокость, насилие и разврат Ницше считает не самоцелью, а только неизбежным злом в деле раскрепощения творческой личности – Грот это признает. Но он все же осуждает Ницше за то, что тот это зло допускает. Ведь получается, что Ницше призывает отказаться от способностей, которые отличают человека от животных – от смирения, милосердия, сострадания, – и откатиться назад в доисторические времена. Полное забвение духовной стороны человека – главный порок учения Ницше.

В противоположность Ницше Толстой абсолютизирует духовную составляющую человека. Он считает человека совершенным творением Бога и отрицает необходимость его улучшения. Искусства, науки, согласно Толстому, только портят его добрую натуру, заражают пагубными пристрастиями, так что нравственный долг человека сводится к защите от их дурного влияния. «Не нужно сверхчеловека, ибо человек уже есть сверхживотное» [Там же: 81], – формулирует его позицию Грот.

Обнаружив существенную неполноту и односторонность обоих учений, Грот приходит к необходимости их синтеза. Нравственный идеал человеку следует искать «в примирении внешнего и внутреннего, материального и духовного, – скажем смелее: “языческого” и “христианского”» [Грот 2001: 89].

П. Е. Астафьев начинает статью «Генезис нравственного идеала декадента» с указания на то, что многие в последнее время предпринимают попытки найти новые принципы жизни. Их изобретение, однако же, не опасно для старых принципов. Сталкиваясь друг с другом, новые принципы сами собой обнажают свою несостоятельность. Стало быть, опровергать моральные заблуждения Ницше нет надобности. Перед другими мыслителями у него есть несомненные преимущества: литературный талант, искренность и смелость. А потому стоит попытаться отыскать в его суждениях нечто ценное и поучительное.

С логической точки зрения философия Ницше небезупречна, считает Астафьев. Ницше не только не стремится к единству и стройности философской системы, но даже прямо осуждает всякую систему. Если бы Ницше все-таки применил к своему учению правила логики, устранив фундаментальные ошибки, его учение приобрело бы куда большую глубину и значительность.

Ницше называл себя первым, кто поставил проблему нравственности. Все, кто затрагивал когда-либо тему нравственности, оставались всегда внутри определенной нравственной системы, а чтобы рассуждать о ней, надо выйти за ее рамки, стоять вне всяких нравственных оценок, по ту сторону добра и зла. Астафьев категорически не согласен с этим утверждением. Что сказали бы о мыслителе, который решился стать по ту сторону логики, чтобы иметь возможность судить о логике? Выходя за эти рамки, мы только сами становимся нелогичны, только сами становимся безнравственны, но никакой проблемы не можем обрисовать и тем более решить.

Ницше отрицает безусловную нравственность. Она может получить свою ценность только от чего-то внешнего, не являющегося нравственным, а именно от той цели, которую нравственность преследует. Цель не является нравственным законом, а значит, она не является обязательной. Но тогда необязательны и требования нравственной системы, которая от нее зависит. Получается, что отрицание безусловного характера нравственности логически неумолимо приводит к отрицанию какой бы то ни было нравственности. И, как

считает Астафьев, Ницше последовательнее других, потому что проводит эту мысль до конца. Но он не видит ложности своих посылок. Астафьев встраивает рассуждение Ницше в более обширную логическую схему. Оно могло бы быть рассуждением от противного: допустим, что нравственность получает ценность извне... Приходя к абсурдному выводу, что нравственность невозможна, Ницше должен был признать исходное утверждение опровергнутым. И тогда оказалось бы, что одна только христианская мораль остается непоколебленной, ведь она полагает основание в самой себе.

Вместо этого Ницше обрушивается на ее цель. Он обвиняет христианскую мораль в том, что та поставила целью нивелировать личность, низвести ее на уровень средства для общества. Его обвинения несостоятельны. В христианской морали нравственная личность – это самоцель. Не понимая этого, Ницше порывает с моралью. Он постановляет верховным законом волю отдельного лица и тем самым делает общество средством для отдельной личности. Но ведь общество состоит из множества личностей: получается, множество личностей, каждая из которых может быть только целью, он низводит на уровень средства.

Ницше совершенно прав в своей критике современных моральных систем. Мораль утилитаризма – действительно мораль-дрессура, потому что подчинение личности правилам нужно не для самой этой личности, а для каких-то внешних целей. Моральные системы, которые ставят на первое место не личность, а общественное благо, и вправду превращают человека в стадное животное, и вправду делают его «проще и дешевле» [Астафьев 2001: 106].

Но они все же признают принцип формальной закономерности, хотят найти цель, равно приложимую ко всем. Ницше этот принцип отрицает. Не должно человеку правило своего поведения измерять на других, а правила других – на себя. Только постановляя себе закон своею волею, можно спастись от превращения в стадное животное. Однако постановление себе закона входит в противоречие с самим понятием закона, который именно и есть правило, не зависящее от воли отдельного человека, довлеющее над ней. Ницше кончает отрицанием «всякого безусловного закона жизни во имя обоготворенной самозаконной гениальной особи» [Там же: 93]. Это и есть Ницшев сверхчеловек – противоположность стадного животного, тот, кто преодолел давление общества и сохранил свою индивидуальность.

Преобразование человека в стадное животное недопустимо, соглашается Астафьев с Ницше. Но вовсе не нужно во избежание этого попираť все мыслимые законы. Чтобы отстоять личность, надо повиноваться такой нравственной системе, которая имеет основание в себе самой, не служит чему-то другому, не нравственному.

Таким образом, Астафьев постарался отстоять ценность христианской морали, указав на логические ошибки Ницше. Все же в его учении он увидел не одни только противоречия и ложные посылки. Критику утилитаризма и других модных течений Астафьев полностью принимает и ставит в заслугу Ницше.

Еще одна любопытная деталь. П. Е. Астафьев был другом и рецензентом К. Н. Леонтьева, которого потом назовут «русским Ницше». Леонтьев не боялся критики Астафьева – напротив, обращался к нему с просьбой оценить его философские работы как можно строже⁴. В компетенции Астафьева он не сомневался и даже считал, что тот единственный сумел схватить самую суть его учения⁵. Примечательно, что Астафьев не увидел между учениями Ницше и Леонтьева никаких сходств. В то время нравственная сторона философских учений не считалась малозначимой. В корне различное отношение двух философов – Ницше и Леонтьева – к нравственным вопросам делало невозможным их сближение. Исследователи XX в. с большим энтузиазмом обсуждали приписанный ими Леонтьеву «эстетический аморализм». Но в 90-е гг. XIX в. слово «аморалист» еще не было комплиментом.

Астафьев подробно разъясняет, на какую зыбкую почву ступает мыслитель, отказавшийся от морали безусловного долга. Мораль, чьи требования обращены не ко всем людям, но которую каждый изобретает для себя сам (а у Ницше именно так: «В силах ли ты дать самому себе свое зло и свое добро и повесить волю свою над собой как закон? В силах ли ты быть самому себе и судьей и мстителем своего же закона?» [Ницше 1994: 88]), входит в противоречие с самим понятием морального закона. Предполагается, что Ницшевы нападки на мораль безусловного долга совершаются во имя созидания новых моральных ценностей. Однако на чем будут

⁴ «Прошу Петра Евгеньевича эту главу просмотреть *строго*; так, то есть, чтобы и *врагу* понравилось, и сделать карандашом на *оборотах* страниц заметки...» [Александров 1915: 72].

⁵ «Он один только отдал справедливость моему “смещению”... Все другие... старательно обходили этот *главный пункт*, когда упоминали обо мне...» [Из переписки... 1903: 412].

держаться эти новые ценности? В самом начале строительства становится очевидно, что у него нет фундамента.

Вывод Лопатина тот же, что и у Астафьева: «...на той почве, на которой стоит Ницше, никакая мораль не мыслима» [Лопатин 2001: 68]. Ницше разрушает представление о субъекте, определяет человека как «игрушку стихийных влечений, обыкновенно даже и не подозреваемых им в себе» [Там же: 66]. Но если человека не существует, неясно, как же он «повесит волю свою над собой как закон». В поздней философии Ницше действительно содержится критика понятия субъекта: «...“деятель” просто присочинен к действию – действие есть все» [Ницше 1990: 431], при том что в «Так говорил Заратустра» человек представлен самостоятельным деятелем, способным порвать с тысячелетними ценностями и создать новые. Сочетание таких противоречащих одна другой точек зрения на человека – одна из проблем в философии Ницше.

К заслугам первого поколения российских ницшеведов можно отнести и предложенную Гротом научно-техническую интерпретацию сверхчеловека: сверхчеловек как усовершенствованная порода людей-животных. В отличие от последующих толкователей Ницше, создававших нравственные интерпретации сверхчеловека на основе «Так говорил Заратустра», Грот опирается преимущественно на поздние произведения. В них Ницше смотрит на своего сверхчеловека реалистически. «Проблема, что я ставлю... какой тип человека надлежит *взрачивать*» [Там же: 111], – пишет Ницше в «Антихристианине». В «Ессе homo» философ разъясняет, как не следует понимать его сверхчеловека: «...слово “сверхчеловек” для обозначения в высшей степени удавшегося типажа, в противоположность “современным” людям, “добрым” людям, христианам и прочим нигилистам... почти повсеместно... воспринималось... как “идеалистический” тип высшей породы людей, как наполовину “святой”, наполовину “гений”» [Там же: 225].

В контексте позднего творчества Ницше небезосновательно мнение Грота, что он заменил животной эволюцией идею нравственного совершенствования, как и замечание, что Ницше «мечтает о торжестве отдельной, исключительной личности на почве порабощения и организованного эксплуатирования масс» [Грот 2001:

80]: оно также находит подтверждение в сочинениях немецкого философа⁶.

На страницах журнала «Вопросы философии и психологии» Ницше предстал перед читательской публикой в не самом выгодном свете. Хлесткие характеристики, данные ему профессорами философии, заставили отшатнуться часть публики, но другую побудили к самостоятельному изучению неординарного философа.

В работах, посвященных отечественному ницшеведению, статьи профессоров философии представляются предвзятыми, злонамеренными, поверхностными – по существу, нелепой попыткой очернить имя Ницше; заходит речь о коллективной антиницшеанской кампании. На фоне начавшегося вскоре всеобщего увлечения Ницше они действительно выглядят несколько странно. Но если рассматривать эти статьи в контексте общей направленности журнала, они производят иное впечатление.

Журнал «Вопросы философии и психологии» являлся печатным органом Московского психологического общества. Незадолго до выхода статей, посвященных Ницше, под увеличительное стекло участников общества попала философия А. Шопенгауэра. Несмотря на то, что философский гений Шопенгауэра на тот момент (1888 г.) был общепризнан, профессора Н. Я. Грот, П. Е. Астафьев, Л. М. Лопатин не спешили соглашаться с положениями его учения. Камнем преткновения стало Шопенгауэрово решение проблемы свободы воли [Миронов 2018: 36]. Профессора предлагали свои варианты решения той же самой проблемы в рамках созданных ими философских учений. Так что выводы относительно философии Шопенгауэра делались ими не с оглядкой, скажем, на официальную позицию правительства, но с оглядкой на собственные философские системы.

Журнал выполнял поставленную перед собой участниками Общества задачу просвещения русской публики. Однако своей

⁶ «...В хорошей и здоровой аристократии существенно то, что она чувствует себя *не* функцией (все равно, королевской власти или общества), а их смыслом и высшим оправданием – что она поэтому со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и унижены *ради нее* до степени людей неполных, до роли рабов и орудий. Ее основная вера должна заключаться именно в том, что общество имеет право на существование не для общества, а лишь как фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего *бытия*» [Ницше 2012: 192].

миссией его создатели видели просвещение не в смысле простого распространения новых идей, но в смысле выработки самостоятельного мышления и трезвого взгляда на существующие и вновь появляющиеся философские течения. Впервые это понимание своей миссии было выражено ими в «Русских ведомостях», куда Грот (а именно он стоял у истоков журнала) поместил его анонс. «Как полезен был бы у нас особый орган философской мысли, который помог бы разобраться в пережитом хаосе разнородных настроений и направлений общественного сознания и дал бы возможность общими усилиями выработать самостоятельное критическое отношение к существующим в наше время философским доктринам, из которого могли бы образоваться и новые философские учения, – продукт более зрелого самосознания народа» [Грот 1889б: 3].

Так что критическое восприятие Ницше не было каким-то эксцессом, вопиющим случаем – оно протекало в русле обычной деятельности журнала в соответствии с его целями и задачами. «...Мы сначала направим все усилия к тому, чтобы дать читателю критическое истолкование того, что дала и дает нам современная западная философия и наука» [Его же 1889а: 20].

Итак, профессора философии надеялись поспособствовать оживлению философской мысли в России путем критического рассмотрения того, что приходит к нам с Запада. Они были против слепого поклонения западной философии и настаивали на необходимости независимого взгляда на веяния западной моды. «Психологическое общество понимало себя не как дискуссионный клуб для избранных интеллектуалов, а как институт, несущий ответственность в масштабе страны за культуру, в особенности за особый ее раздел – знание человека о самом себе» [Черников 2008: 79].

Поэтому они должны были быть очень осторожны, чтобы, перенося зарубежные идеи на нашу почву, не допустить их разрушительного влияния на основы русской жизни. Они ни в коем случае не хотели способствовать нравственному разложению своей аудитории за счет бездумного тиражирования модных идей. Грот единолично руководил журналом до 1893 г., поэтому, вероятно, ему принадлежит знаменитое предисловие редакции, в котором Ф. Ницше был удостоен нелестных эпитетов. Публикация без каких-либо пояснений таких опасных идей, какие высказываются в сочинениях Ницше, противоречила замыслу Грота. «Я задумал журнал, чтобы отрезвить общество, направить его к высшим духовным идеалам, отвлечь его от пустой политической борьбы и повседневных дрызг,

помочь примирению интеллигенции с национальными началами жизни, вернуть его к родной религии и здоровым государственным идеалам...» [Николай... 1911: 332].

Представляется, что работы сотрудников журнала «Вопросы философии и психологии» можно признать важной вехой в истории ницшеведения. К их безусловным достоинствам стоит отнести независимость оценок, уверенность в собственных началах жизни и мышления. Современные исследователи Ницше зачастую идут путями, проложенными их западными предшественниками, ориентируются на философов с мировым именем из XX в. Таким образом, оригинальных истолкований философии Ницше создается сегодня не так много. Поэтому мы считаем полезным обратиться к работам профессоров философии XIX в.: для развития независимого ницшеведения они дают ценный материал.

Литература

Александров А. А. I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад : Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915.

Астафьев П. Е. Генезис нравственного идеала декадента // Ницше: pro et contra: антология. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. С. 91–109.

Грот Н. Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889а. Год I, кн. 1. С. 5–20.

Грот Н. Я. О новом философском журнале (Письмо в редакцию) // Русские Ведомости. 1889б. № 263. 23 сентября. С. 3–5.

Грот Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени // Ницше: pro et contra: антология. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. С. 70–90.

Из переписки К. Н. Леонтьева, с предисловием и примечаниями В. В. Розанова // Русский вестник. 1903. Т. 285. № 6.

Лопатин Л. М. Больная искренность // Ницше: pro et contra: антология. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. С. 65–69.

Миронов Д. Г. Рецепция участниками Московского психологического общества учения А. Шопенгауэра о свободе воли // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 1 (57). С. 35–50.

Мотрошилова Н. В. Дискуссии о философии Ф. Ницше в России серебряного века // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей / сост. Н. В. Мотрошилова, Ю. В. Синеокая. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. С. 38–45.

Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. Очерки и воспоминания гр. Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, О. А. Шибора и др. Письма гр.

Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Ф. Кони и др.: с прил. портр. и нескольких биогр. и библиогр. материалов. СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1911.

Ницше Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 407–555.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. : Прогресс, 1994.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М. : Культурная революция, 2012. С. 7–228.

Преображенский В. П. Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма // Вопросы философии и психологии. 1892. III кн. № 15. С. 115–160.

Преображенский В. П. 2001. Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма // Ницше: Pro et contra: антология. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. С. 30–64.

Синеокая Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей / сост. Н. В. Мотрошилова, Ю. В. Синеокая. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. С. 7–37.

Черников Д. Ю. 2008. Издательско-просветительская деятельность Психологического Общества при Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. № 4. С. 66–84.